

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Ильяшенко Александр Филиппович

**Идеи мира и безопасности во внешней политике Александра I
1813–1825 годов**

Специальность 5.6.1. Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2026

Диссертация подготовлена на кафедре истории России XIX века – начала XX века исторического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова

Научный руководитель – Андреев Андрей Юрьевич,
доктор исторических наук, профессор

Официальные оппоненты – Андреева Татьяна Васильевна,
доктор исторических наук,
Санкт-Петербургский институт истории
Российской академии наук, отдел новой
истории России, главный научный сотрудник

Орлов Александр Анатольевич,
доктор исторических наук, доцент,
Московский педагогический
государственный университет, Институт
истории и политики, кафедра новой и
новейшей истории стран Европы и Америки,
профессор

Арискина Юлия Эдуардовна,
кандидат исторических наук,
Московский государственный университет
имени М.В.Ломоносова, факультет
глобальных процессов, кафедра ЮНЕСКО по
изучению глобальных проблем, доцент

Защита диссертации состоится 25 мая 2026 года в 14:00 на заседании диссертационного совета МГУ.056.1 Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова по адресу: 119234, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, исторический факультет МГУ имени М.В.Ломоносова, ауд. А-419.

E-mail: ot-dissovet@hist.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций Научной библиотеки МГУ имени М.В.Ломоносова (Ломоносовский проспект, д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/3910>

Автореферат разослан « ____ » _____ 2026 года

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат исторических наук

О.В. Белоусова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Научная значимость и актуальность темы исследования.

Комплексное изучение идеологической составляющей внешней политики императора Александра I представляется важным ввиду того, что предложенный им проект Священного союза стал уникальным примером лидерства России в формировании общеевропейской архитектуры безопасности. Этот проект, созданный в период наибольшего авторитета и военного могущества нашей страны после Наполеоновских войн, основывался на христианских нравственных принципах и договорных обязательствах великих держав.

Окончание революционных потрясений и Наполеоновских войн воспринималось современниками как начало особой мирной эпохи, приходящей на смену десятилетиям кровопролития. Предложенная Александром I система коллективной безопасности имела как вербальное воплощение в публичных документах, делопроизводственных материалах и личных высказываниях царя и его собеседников, так и невербальное проявление через образы и символы в публичных репрезентациях, изобразительном искусстве, различных областях общественной, культурной и религиозной жизни.

В историографии тема Священного союза долгое время развивалась в достаточно узких рамках, для которых были характерны полярные точки зрения. Идейное содержание внешнеполитической концепции Александра I после победы над Наполеоном, равно как и связанные с ней образы, до сих пор остаются малоизученными и несвободными от упрощений и научных клише.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью восполнить эту лакуну. Обращение к теме позволяет с помощью традиционных исторических методов и новых проблемных фокусировок реконструировать идеологическую систему российского императора и его дипломатов, выявить их понимание таких ключевых категорий, как

«безопасность» и «мир», а также проанализировать примеры репрезентаций и внедрения этих идей в дипломатическую практику.

Научная значимость работы заключается в том, что изучение происхождения и репрезентации идей, их взаимосвязи и связанных с ними ключевых понятий позволяет реконструировать систему ценностей и представлений, лежавшую в основе внешнеполитических решений Александра I. Это, в свою очередь, дает ключ к пониманию логики действий Российской империи на международной арене в период после Отечественной войны 1812 г. и до конца царствования Александра I.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является внешняя политика Российской империи 1813–1825 гг. в контексте зарождения и функционирования Священного союза (кроме дальневосточного и среднеазиатского направлений внешней политики страны, которые не входили в систему Священного союза). Предмет исследования – возникновение, содержание, соотношение, динамика и репрезентация идей, связанных с понятиями «мир» и «безопасность» в дипломатическом и общественном дискурсах российской внешней политики в указанный период.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1813 г. по 1825 г. В данный период начиная с Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. и до смерти Александра I в 1825 г. происходили зарождение и реализация идей Священного союза, формировались его образ и связанные с ним концепции.

Территориальные рамки исследования связаны с его объектом и предметом и обусловлены географией зарождения, распространения и репрезентации внешнеполитических идей Александра I, то есть локализуются в пределах Западной и Восточной Европы (в государствах – участниках Священного союза, на территории проведения конгрессов и военных кампаний) и Российской империи, прежде всего в Санкт-Петербурге как центре принятия внешнеполитических решений и формирования

значительной части документов, транслировавших смыслы Священного союза.

Цель и задачи исследования. Целью работы является комплексная реконструкция и всесторонний анализ концептуальных оснований, языкового выражения и религиозно-культурных репрезентаций идей мира и безопасности во внешнеполитическом дискурсе Российской империи 1813–1825 гг. Для достижения этой цели необходимо решить следующие исследовательские задачи:

– определить взгляды политических деятелей и мыслителей, оказавших влияние на формирование идейно-теоретических основ внешнеполитического проекта Александра I, на формулирование проблем мира и безопасности и на их соотнесение с концепцией императора;

– реконструировать образ врага как системообразующий элемент представлений Александра I, проявившихся при реализации им системы коллективной безопасности, а также трансформацию этого образа и взглядов на роль русской армии в изучаемый период;

– выявить с помощью количественных методов лингвистического анализа дипломатических материалов ключевые идеологемы внешнеполитического дискурса России в контексте проблем мира и безопасности, а также эволюцию их употребления;

– установить способы использования публично-ритуальных практик (богослужений) и визуальных образов в качестве инструментов репрезентации и популяризации идей Священного союза;

– представить комплексные характеристики идейно-концептуальной основы внешнеполитического проекта Александра I и способов репрезентации данного курса России на европейском направлении в период подготовки Священного союза и после его создания.

Методологическую основу исследования составляет комплекс общенаучных принципов и специальных исторических методов.

Концептуальной основой работы стали фундаментальные принципы исторической науки – историзм, объективность и системность. Следование принципу историзма позволяет рассмотреть становление и развитие идей мира и безопасности в российской внешней политике во взаимосвязи с изменением международной обстановки, а также проследить динамику отношений европейских держав и эволюцию личных взглядов Александра I. Принцип объективности реализуется через синтез различных методологических подходов и критический анализ всей совокупности источников, что обеспечивает полноту и доказательность суждений. Принцип системности дает возможность представить внешнеполитическую деятельность Александра I как целостный феномен, сложную систему, объединявшую политические, идеологические, религиозные и культурные элементы.

В диссертации используются специальные исторические методы. Историко-генетический метод применяется для реконструкции генезиса и эволюции идей мира и безопасности, а также для прослеживания причинно-следственных связей между событиями, идеями и их практической реализацией. Сравнительно-исторический метод позволяет провести компаративный анализ понимания концепций союза и безопасности различными политическими и общественными деятелями эпохи.

Важное значение для работы имели количественные методы, в частности – корпусной анализ. Этот метод помогает реконструировать латентные смыслы и понятийное ядро внешнеполитического дискурса через выявление устойчивых словосочетаний, а также прослеживать связи и хронологическую динамику ключевых понятий. Промежуточным результатом использования этого метода является формирование корпуса документов, пригодного для дальнейших исследований. Применение для изучения такого корпуса методов теории графов позволило формализовать и визуализировать смысловые связи в языке российской дипломатии. Построенная сетевая модель корпуса документов, где узлы – ключевые термины, а своего рода ребра – их устойчивые сочетания, сделала возможным выявление смысловых

кластеров и узловых понятий, определявших концептуальное ядро внешнеполитического дискурса кануна создания Священного союза и первого десятилетия его существования.

К используемым методам интеллектуальной истории и истории понятий относится историко-смысловой анализ, который использован для изучения возникновения и изменения смыслового наполнения ключевых политических понятий в тезаурусе российских дипломатов.

Теоретическую рамку исследования также задают специальные методы. Метод политической теологии, восходящий к трудам К. Шмитта¹, позволяет выявить скрытые теологические структуры в светских политических концепциях эпохи. В рамках данного подхода Священный союз анализируется не просто как политический альянс, но как попытка создания нового мирового порядка на основе религиозно-богословского подхода. Свойственная политической теологии дихотомия «друг–враг» используется для реконструкции образа врага как необходимого условия выстраивания системы безопасности и обоснования политики интервенций. В развитие этого подхода в работе применяются сотериологический и экзегетический приемы, позволяющие проанализировать отражение в источниках богословских тем, связанных с уверенностью императора в собственном мессианстве, с его отношением к Священному Писанию и стремлением придать новому мировому порядку характер эсхатологического Царства Божия.

Широкое использование в работе изобразительных источников обуславливает использование целого ряда специальных методов. Иконографический метод применяется для систематизации сюжетов, атрибутов и символов, связанных с репрезентацией Священного союза. Иконологический метод, предложенный Э. Панофским², позволяет интерпретировать глубинный смысл изображений и выявлять их связь с

¹ Шмитт К. Понятие политического. СПб., 2016.

² Панофский Э. Этюды по иконологии: гуманистические темы в искусстве Возрождения. СПб., 2009.

философскими и теологическими идеями эпохи. Семиотический метод дает возможность рассматривать визуальные образы как знаковые системы, а значит – декодировать заложенные в них политические и идеологические сообщения. Сравнительно-стилистический метод используется для сопоставления визуальных репрезентаций идей Священного союза в разных странах и видах искусства.

Комплексное применение указанных принципов, теоретических подходов и методов позволяет провести многомерное исследование идей мира и безопасности на уровне языка, понятий, визуальных образов и теологических структур, определявших характер внешнеполитической мысли России эпохи Священного союза.

Степень разработанности темы исследования. Основное внимание уделено историографии Священного союза, поскольку с ним связано сущностное содержание внешнеполитических идей Александра I.

Начальный период историографии (до рубежа 1880–1890-х гг.) характеризовался рассмотрением тематики Священного союза в первую очередь сквозь призму личного вклада Александра I, деятельность которого трактовалась исключительно как усилия «царя-миротворца», рассчитывавшего установить длительный и прочный мир в Европе. Работы этого времени имели во многом апологетический характер по отношению к Александру I, а их важной чертой стало накопление и публикация источников благодаря хронологической близости исследователей к событиям.

К данному периоду относятся труды А.И. Михайловского-Данилевского³ и М.И. Богдановича⁴, который впервые связал возникновение Священного союза с «религиозным просветлением» императора и его общением с баронессой В.Ю. Крюденер, а также близкая по концептуальному содержанию работа С.М. Соловьева, отметившего вместе с

³ *Михайловский-Данилевский А.И.* Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814, 1815 годах: Военная галерея Зимнего дворца... Т. 1–6. СПб., 1845–1849.

⁴ *Богданович М.И.* История царствования императора Александра I и России в его время. В 6 т. СПб., 1869–1871.

М.И. Богдановичем непоследовательность политики царя и влияние на него с 1820 г. К. Меттерниха, сделавшего Священный союз орудием реакции.

В 1886–1892 гг. В.К. Надлер опубликовал пятитомный труд, в котором впервые в качестве ключевой темы политики Александра I был выделен Священный союз, идеология которого была определяющей для международной и внутривосточной активности царя в период после Наполеоновских войн⁵. В.К. Надлер изучил развитие мессианского комплекса и религиозно-мистических взглядов царя, их отражение во внешней политике и репрезентацию через массовые религиозные мероприятия.

Конец XIX и начало XX в. ознаменовали новый этап историографии, для которого характерны более критическое отношение к личности и политике Александра I (в том числе тезис об определяющем влиянии Меттерниха), а также рост профессионального уровня исследований, расширение круга источников, пересмотр прежних оценок. Священный союз впервые становится предметом исследования в зарубежных работах⁶.

В четырехтомной биографии Александра I Н.К. Шильдера⁷ появляется новый тезис о разделении внешнеполитической деятельности этого императора и активности Священного союза на две последовательно сменявшие друг друга части – либеральную и реакционную. Такую концепцию развивал и автор другой капитальной биографии Александра I – вел. кн. Николай Михайлович⁸. Линия критики внешней политики

⁵ *Надлер В.К.* Император Александр I и идея Священного союза. Т. I–V. Рига, 1886–1892.

⁶ Например, А. Дебидур в фундаментальном труде по дипломатической истории Европы приписывает замысел создания Священного союза баронессе Крюденер, а также подчеркивает, что Священный союз стал отправной точкой для борьбы с революцией и подавления демократических порядков в Европе. См.: *Debidour A. Histoire diplomatique de l'Europe depuis l'ouverture du Congrès de Vienne jusqu'à la clôture du Congrès de Berlin.* Paris, 1891. Vol. 1–2.

⁷ *Шильдер Н.К.* Император Александр I: его жизнь и царствование. Т. I–IV. СПб., 1897–1898.

⁸ *Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I. Опыт исторического исследования. Т. I–II. СПб., 1912.

Александра I была продолжена в юбилейном сборнике к столетию победы в Отечественной войне 1812 г.⁹, в том числе в статье С.Г. Лозинского¹⁰.

Дореволюционная традиция изучения Священного союза продолжалась и в первые годы советской власти, достигнув своей вершины в работах А.Е. Преснякова¹¹ и А.Н. Шебунина¹². По мнению А.Е. Преснякова, Александр I использовал религиозно-мистические построения и общие нравственные нормы христианства в качестве оболочки для реакционной политики¹³.

В марксистской историографии до середины 1930-х гг. господствовали идеи М.Н. Покровского, который считал целью Священного союза охранение «старого порядка в его целом»¹⁴. Эти взгляды сменились признанием того, что вся монархическая Европа имела схожие завоевательные намерения, а русский царизм нес с собой и некоторые прогрессивные тенденции. Разработке новых подходов способствовали публикации в 1940-е гг. работ А.Л. Нарочницкого¹⁵ и А.И. Молока¹⁶, а позднее – концептуально близкой им книги Н.С. Киняпиной¹⁷. Среди коллективных обобщающих трудов следует отметить многотомное издание «Истории дипломатии», вышедшее в годы Великой Отечественной войны¹⁸ и в период с конца 1950-х до конца 1970-х гг. переизданное в доработанном виде¹⁹.

⁹ *Дживелегов А.К.* Меттерних // Отечественная война и русское общество. 1812–1912. Юбилейное издание. Т. VII. М., 1912. С. 28–45; *Пичета В.И.* Александр I и Европа // Там же. С. 57–87.

¹⁰ *Лозинский С.Г.* Священный союз // Отечественная война и русское общество. 1812–1912. Юбилейное издание. Т. VII. М., 1912. С. 20–27.

¹¹ *Пресняков А.Е.* Идеология Священного союза // *Анналы.* 1923. № 3. С. 72–81.

¹² *Шебунин А.Н.* Европейская контрреволюция первой четверти XIX века. Л., 1925.

¹³ *Пресняков А.Е.* Идеология Священного союза. С. 72.

¹⁴ *Покровский М.Н.* Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923. С. 83.

¹⁵ *Нарочницкий А.Л.* Международные отношения европейских государств с 1794 до 1830 г. М., 1946.

¹⁶ *Молок А.И.* Венский конгресс и Священный союз. Франция в период реставрации Бурбонов (1815–1830 гг.). М., 1949.

¹⁷ *Киняпина Н.С.* Внешняя политика России первой половины XIX в. М., 1963.

¹⁸ История дипломатии. В 3 т. / Под ред. В.П. Потемкина. М.; Л., 1941–1945.

¹⁹ История дипломатии. В 5 т. / Под ред. В.А. Зорина и др. М., 1959–1979.

А.В. Фадеев²⁰ одним из первых в России поставил в центр международных отношений русско-английское противостояние. Позднее это направление продолжил Л.В. Марков²¹ в первом за несколько десятилетий специальном исследовании, посвященном Священному союзу. Важной вехой в развитии советской историографии 1960-х гг. явились статьи и монография Л.А. Зака²² по проблематике принципа легитимизма в европейской внешней политике. В конце советского периода вышли работы В.Г. Сироткина²³, А.О. Чубарьяна²⁴ и концептуальная статья В.А. Федорова²⁵, во многом подводившая итоги советской историографии и восстанавливавшая ее связь с историографией дореволюционной.

Одновременно с советской историографией Священного союза в XX в. развивалась и зарубежная историография, в которой после двух мировых войн произошел всплеск интереса к тематике послевоенного урегулирования. В 1920–1930-х гг. появляется ряд важных работ, среди которых следует отметить исследования В. Филиппса²⁶, В. Нэфа²⁷, Ф. Бюхлера²⁸, В. Шварца²⁹ и А. Дорлэнда³⁰. Сформировалось несколько близких, но различавшихся направлений исследований. Например, в книге Ж.-А. Пиренна³¹ Священный

²⁰ *Фадеев А.В.* Россия в системе международных отношений 1815–1849 годов. М., 1961.

²¹ *Марков Л.В.* Россия и Священный союз // Новая и новейшая история. 1989. № 1. С. 63–76.

²² *Зак Л.А.* Из истории дипломатической борьбы на Венском конгрессе. Сентябрь 1814 – январь 1815 гг. // Вопросы истории. 1966. № 3. С. 70–82; *Он же.* Западные державы и германский вопрос на Венском конгрессе. 1814–1815 гг. // Новая и новейшая история. 1966. № 3. С. 95–106; *Он же.* Монархи против народов. Дипломатическая борьба на развалинах наполеоновской империи. М., 1966.

²³ *Сироткин В.Г.* Борьба в лагере русского консервативного дворянства по вопросам внешней политики после войны 1812 г. и отставка И. Каподистрии в 1822 г. // Проблемы освободительного движения и международных отношений. М., 1975. С. 3–47.

²⁴ *Чубарьян А.О.* Европейская идея в истории: проблемы войны и мира. М., 1987.

²⁵ Федоров В.А. Александр I // Вопросы истории. 1990. № 1. С. 50–72.

²⁶ *Philips W.A.* The Confederation of Europe. A Study of the European Alliance, 1813–1823 as an Experiment in the International Organization of Peace. New York, 1920.

²⁷ *Näf W.* Zur Geschichte der Heiligen Allianz. Bern, 1928.

²⁸ *Büchler F.* Die geistigen Wurzeln der heiligen Allianz. Freiburg im Breisgau, 1929.

²⁹ *Schwarz W.* Die Heilige Allianz. Tragik eines europäischen Friedensbundes. Stuttgart, 1935.

³⁰ *Dorland A.G.* The Origins of the Treaty of Holy Alliance of 1815 // Transactions of the Royal Society of Canada. Vol. 23. 1939. P. 59–79.

³¹ *Pirenne J.-H.* La Sainte-Alliance. Organisation européenne de la paix mondiale. Neuchâtel, 1946.

союз представлен как инструмент борьбы за политическую гегемонию между Англией и Россией. Иной взгляд предложил М. Буркен³², который оценивал российскую внешнюю политику после победы над Наполеоном как направленную на сохранение мира и поддержку элементов либерализма. Эту линию в 1960-е гг. продолжили Л.Ч.Б. Симан³³ и американская исследовательница П.К. Гримстед³⁴.

Начиная с середины XX в. ряд зарубежных исследователей (например, Ч.К. Вебстер³⁵) рассматривали Священный союз как религиозную конструкцию, не игравшую серьезной роли в международных отношениях. Позднее в монографии Ф. Лея Священный союз рассматривается преимущественно через призму религиозно-мистических представлений и связей российского императора³⁶.

Наиболее плодотворным периодом развития историографии Священного союза стал современный этап за счет привлечения внимания к отдельным конкретным вопросам и действующим лицам эпохи, переосмысления ранее опубликованных источников с привлечением новых материалов, пересмотра ряда концепций, сформулированных ранее, и выдвижения новых идей и интерпретаций. На этом этапе отечественная и зарубежная историография уже находятся в тесном взаимодействии.

На рубеже 1990–2000-х гг. в статье В.Я. Гросула³⁷ и работах О.В. Гончаровой³⁸ было продолжено изучение «конституционной

³² *Bourquin M.* Histoire de la Sainte Alliance. Genève, 1954.

³³ *Seaman L.C.B.* From Vienna to Versailles. New York, 1963.

³⁴ *Grimsted P.K.* The Foreign Ministers of Alexander I: Political Attitudes and the Conduct of Russian Diplomacy, 1801–1825. Berkeley, 1969. P. 61.

³⁵ *Webster Ch.K.* The Foreign Policy of Castlereagh. 1815–1822. London, 1947.

³⁶ *Ley F.* Alexandre Ier et sa Sainte-Alliance (1811–1825) avec des documents inédits. Paris, 1975. P. 295.

³⁷ *Гросул В.Я.* Российский конституционализм за пределами России // Отечественная история. 1996. № 2. С. 166–180.

³⁸ *Гончарова О.В.* Европейская политика России в 1816–1820 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2003; *Она же.* Политика России в германском союзе в 1816–1817 гг. // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2012. № 4 (11). С. 107–118; *Она же.* «Для охранения спокойствия и благоденствия...»: европейская политика России в посленаполеоновскую эпоху // Россия XXI. 2014. № 3. С. 6–33.

дипломатии» как инструмента внешней политики царя для преодоления политической изоляции России и в интересах Священного союза. Т.В. Андреева³⁹ увидела за крутыми изменениями конституционной политики Александра I и Священного союза прагматичный подход царя, укреплявшего российскую абсолютистскую государственность. В то же время некоторые исследования еще продолжали традиции советской историографии и рассматривали Священный союз преимущественно как реакционное учреждение. Такой взгляд изложен, например, в работах О.В. Орлик⁴⁰ и О.Р. Айрапетова⁴¹.

В середине 1990-х гг. американский историк П. Шредер⁴², проанализировав принципиальное изменение системы международных отношений, пришел к выводу о нереалистичности желания Александра I «создать гармоничную европейскую семью государств, свободную от враждебности и угроз»⁴³ на основе Священного союза. Идеи П. Шредера получили развитие в обобщающем труде Ф. Менгера⁴⁴ о Священном союзе, который суммировал концепции и достижения написанных ранее работ, отметив влияние религиозного «обращения» Александра I в 1812 г. на внешнеполитическую деятельность по установлению через моральную и религиозную роль Священного союза прочного покоя в Европе на основе неприкосновенности каждого государства, справедливого всеобщего равновесия и авторитета христианства. Близкую Ф. Менгеру позицию

³⁹ Андреева Т.В. Александр I и мифологема «всевропейского заговора революционеров» // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2008. № 4-1. С. 25–34.

⁴⁰ Орлик О.В. «Европейская идея» Александра I // Новая и новейшая история. 1997. № 4. С. 46–68; Она же. Россия в международных отношениях 1815–1829: от Венского конгресса до Адрианопольского мира. М., 1998.

⁴¹ Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи. 1801–1914. В 4 т. Т. 1. Внешняя политика императора Александра I. 1801–1825. М., 2017.

⁴² Schroeder P.W. The Transformation of European Politics, 1763–1848. Oxford, 1994. P. 503.

⁴³ Ibid. P. 503.

⁴⁴ Menger Ph. Die Heilige Allianz. Religion und Politik bei Alexander I (1801–1825). Stuttgart, 2014. P. 313.

занимает Б. Грааф, считающая, что Священный союз производил «скорее психологическое, чем политическое»⁴⁵ воздействие.

Ряд современных исследователей сосредоточились на отдельных значимых темах, связанных со Священным союзом и Александром I. Немецкий историк Й. Паулман⁴⁶ рассмотрел символические аспекты союза. Появились работы, авторы которых анализируют идеологические основы внешней политика Александра I, а также восприятие ее современниками⁴⁷.

В постсоветский период основополагающее значение для отечественной историографии имеет монография А.Л. Зорина⁴⁸, в которой Священный союз исследуется с точки зрения духовных поисков и духовных союзов Александра I, а его действия и поступки во внешней политике интерпретируются через призму религиозно-мистических взглядов. А.Л. Зорин отмечает наличие у Александра I мессианских представлений о своей роли в истории, его поиски «внутренней церкви» и эсхатологические взгляды. Продолжают эту линию работы А.Ю. Андреева⁴⁹, в том числе

⁴⁵ *Graaf de B.A.* Fighting Terror after Napoleon: How Europe Became Secure after 1815. Cambridge, 2020. P. 249.

⁴⁶ *Paulmann J.* Pomp und Politik. Monarchenbegegnungen in Europa zwischen Ancien Regime und Erstem Weltkrieg. Paderborn, 2000.

⁴⁷ *Бахтурина А.Ю.* Зарождение и сущность идеи Священного союза // Вопросы истории. 1997. № 4. С. 151–155; *Она же.* Священный союз: Россия в судьбе Европы // Рубежи. 1998. № 3–4. С. 54–62; *Нечипоренко Д.В.* Истоки Священного союза // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2000. № 5. С. 56–71; *Он же.* Идеология Священного союза. Александр I и Меттерних // Россия в XVIII–XX веках: страницы истории. К 50-летию научной и педагогической деятельности в Московском университете заслуженного профессора Н.С. Киняпиной: сборник статей. М., 2000. С. 106–126.

⁴⁸ *Зорин А.Л.* Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001.

⁴⁹ *Андреев А.Ю.* Начало «нового века»: рождественская символика в царствование императора Александра I // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2012. № 1 (44). С. 40–48; *Он же.* «Литургика» Священного союза: к вопросу о религиозных взглядах Александра I // Филаретовский альманах. Вып. 12 / Отв. ред. А.И. Яковлев. М., 2016. С. 123–154; *Он же.* Император Александр I, митрополит Московский Филарет и идеи Священного союза // Филаретовский альманах. Вып. 13. М., 2017. С. 104–121; *Он же.* “Anbetung der drei Könige”: Alexander I und seine Idee der Heiligen Allianz // Die Heilige Allianz. Entstehung – Wirkung – Rezeption // Hgg. von Anselm Schubert, Wolfram Pyta. Stuttgart, 2018. S. 19–32; *Он же.* Российский самодержец в поисках долговечного мира: «Европейский проект» Александра I // Россия и Европа: далекие и близкие. Германороссийский сборник статей об исторических связях России и Европы / Отв. ред. К. Бёр. М.,

написанная им в 2025 г. биография императора⁵⁰. В них, в частности, проанализирована символическая культура и смысловое наполнение идей царя. Автор осмысляет миротворческий проект Александра I как часть политической теологии. С этим подходом тесно связана тематика образа врага в отдельных исследованиях⁵¹.

В.С. Парсамов⁵² исследовал пропагандистские действия императора в отношении европейцев, отметил использование мистиков для построения идеологии преобразования человеческой природы и «нравственного возрождения мира», стремление Александра стоять «выше узконациональных интересов европейских стран». Автор подчеркивает, что после Аахенского конгресса миротворческая цель Священного союза достигалась за счет возрастающего насилия, что подрывало идеологию союза.

Ряд современных исследователей – например, Л.В. Мельникова⁵³, В.В. Дегоев и А.В. Забродин⁵⁴, А.В. Рачинский⁵⁵, А.А. Терениченко⁵⁶,

2020. С. 133–160; *Он же*. «Политическая теология» императора Александра I: идеи, репрезентации, практика // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2022. Вып. 106. С. 62–80.

⁵⁰ *Он же*. Александр I. М., 2025.

⁵¹ *Борисова А.В.* Формирование образа врага в русском общественном сознании в период Отечественной войны 1812 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 4 (20). С. 222–225; *Половников Л.В.* Политика формирования образа Наполеона Бонапарта в России в 1813–1814 гг. // XXI век – время молодых: материалы седьмой открытой научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (Пермь, 29 мая 2015 г.). Пермь, 2015. С. 65–71.

⁵² *Парсамов В.С.* «Апокалипсис дипломатии» // Освободительное движение в России. Вып. 20. Саратов, 2003. С. 44–66; *Он же*. Александр I и проблема общеевропейского единства в 1814–1815 гг. // Вестник истории, литературы и искусства. 2007. Т. 4. С. 312–323; *Он же*. На путях к Священному союзу: идеи войны и мира в России начала XIX века. М., 2020. С. 310, 361.

⁵³ *Мельникова Л.В.* Александр I и создание Священного союза // Материалы II Международной научной конференции, посвященной 195-летию Бородинского сражения (Бородино, 3–5 сентября 2007 г.) / Сост. А.В. Горбунов. Можайск, 2008. С. 222–232.

⁵⁴ *Дегоев В.В., Забродин А.В.* Танцующий конгресс // Российская газета. – URL: <http://www.rg.ru/articles/venskiy-kongres/> (дата обращения: 01.02.2023).

⁵⁵ *Рачинский А.В.* Александр I и Священный союз 1815 года // Тетради по консерватизму. 2015. № 3. С. 11–15.

⁵⁶ *Терениченко А.А.* Участие России в формировании институтов международного права на Венском конгрессе 1814–1815 гг. (к двухсотлетию события) // Современный юрист. 2016. № 2 (15). С. 52–63.

А.А. Орлов⁵⁷ – в своих статьях рассматривали деятельность Александра I через призму международных отношений и геополитики. В монографии С. Гервас⁵⁸ концепция Священного союза включена в обзор попыток умиротворения в истории Европы как пример использования христианской идеологии в качестве основы политической стабильности.

Изучая Венский конгресс и другие политические собрания, А.Л. Хазин и С.В. Богданов⁵⁹ уделили внимание коммуникативному аспекту. Этот подход разделяет Э.К. Виртшафтер⁶⁰: по ее мнению, Священный союз играл роль моральной силы, закреплявшей дружбу монархов, коммуникацию и мир между ними, что обеспечивало европейскую стабильность. Радикально-апологетическое восприятие внешнеполитической деятельности Александра I можно найти в статье С.Л. Чернова⁶¹ и в более мягкой форме – в работе А.И. Яковлева⁶².

Отдельным направлением историографии, посвященной Священному союзу, стало изучение соратников императора Александра I, игравших большую роль в формулировании идей царя, в работах А. Мартина⁶³,

⁵⁷ Орлов А.А. Астреин век. Великобритания, Россия и проблема нового мирового порядка в европейской политике первой половины XIX века (1815–1854 гг.). М., 2019.

⁵⁸ Ghervas S. *Conquering Peace: From the Enlightenment to the European Union*. Cambridge (Mass.). 2021.

⁵⁹ Хазин А.Л., Богданов С.В. Венский конгресс 1814–1815 годов и его участники: коммуникативные инструменты, ошибки, достижения // Государственное управление. Электронный вестник. 2013. № 40. С. 237–271; Они же. Коммуникативные инструменты решения международных проблем в деятельности конгрессов Священного союза // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2016. № 4. С. 169–214.

⁶⁰ Wirtshafter E.K. *From Victory to Peace. Russian Diplomacy after Napoleon*. Ithaca, 2020.

⁶¹ Чернов С.Л. «Мистицизм» Александра I // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2020. № 3 (66). С. 17–26.

⁶² Яковлев А.И. Идеология Священного союза во внешней и внутренней политике России первой четверти XIX в. // Современная научная мысль. 2019. № 2. С. 11–27.

⁶³ Martin A. *Romantics, Reformers, Reactionaries: Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I*. De Kalb, 1997. В русском переводе: Мартин А. Романтики, реформаторы, реакционеры: русская консервативная мысль и политика в царствование Александра I. СПб., 2021.

С. Гервас⁶⁴, Е.Ю. Назаренко⁶⁵, А.В. Чернова⁶⁶ (проанализировавшего также в целом российскую внешнюю политику на конгрессах Священного союза).

Возрастающее количество работ, расширение подходов исследователей и анализируемых тем свидетельствуют об актуальности изучения Священного союза. Вместе с тем в исторической науке не получил должного внимания ряд аспектов деятельности Священного союза и российской дипломатии этого периода – таких, как репрезентация Священного союза, язык российской дипломатии, образ врага и другие.

Источниковая база исследования является не только комплексной, но и двухуровневой, поскольку включает в себя еще и источники второго порядка – производные от традиционных нарративных источников. Подобное разнообразие обусловлено тем, что в работе традиционный исторический анализ сочетается с количественными методами и использованием корпусного массива. Все использованные источники можно систематизировать по следующим группам.

Во-первых, законодательные акты. К данной группе относятся манифесты, указы и пожалования Александра I (например, о заключении мира, о войне с Наполеоном, о создании Священного союза), опубликованные

⁶⁴ *Ghervas S. Réinventer la tradition. Alexandre Stourdza et l'Europe de la Sainte-Alliance. Paris, 2008.*

⁶⁵ *Назаренко Е.Ю. Князь А.Н. Голицын в общественно-политической и религиозной истории России первой половины XIX века. Воронеж, 2014.*

⁶⁶ *Чернов А.В. Проект «Всеобщего союза» Иоанна Каподистрии // Мультикультурная и многонациональная Россия. III Батаевские чтения. М., 2010. Ч. I. С. 381–392; Он же. Секретная инструкция Н.Н. Новосильцеву и внешнеполитическая программа Александра I // 1150 лет российской государственности: сборник статей студентов, аспирантов и молодых ученых / Под ред. В.Б. Петрова. М., 2013. С. 157–164; Он же. Проекты «вечного мира» и «европейского союза» во внешней политике России первой четверти XIX века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2013. № 4. С. 31–39; Он же. Европейские революции 1820 г. во внешней политике России // Мультикультурная и многонациональная Россия. V Батаевские чтения. М., 2013. Ч. I. С. 575–587; Он же. Российская внешняя политика и конгрессы в Троппау и Лайбахе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2014. № 4. С. 61–71; Он же. О политических взглядах И.А. Каподистрии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2015. № 2. С. 47–56; Он же. Общественно-политические взгляды и дипломатическая деятельность И.А. Каподистрии в годы русской службы: 1809–1822 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2015.*

в Полном собрании законов Российской империи⁶⁷, а также в тематических сборниках⁶⁸. Манифесты выполняли важнейшую идеологическую функцию, формируя публичный дискурс вокруг идей безопасности, мира и новых основ миропорядка.

Во-вторых, делопроизводственные материалы. Это одна из наиболее обширных и значимых групп источников. В нее входят международные договоры и акты, в том числе союзные договоры 1813 и 1814 гг., Парижский мирный договор 1814 г., основополагающие документы Венской системы – Заключительный акт Венского конгресса 1815 г., Парижский мирный договор 1815 г., а также Акт о Священном союзе и ряд последующих соглашений и конвенций между отдельными странами. Сюда же относятся акты конгрессов и совместные декларации великих держав. Эти источники не только фиксировали правовые основы нового европейского порядка, но и включали в себя его идейные основы, а также отражали эволюцию международных норм, например, в вопросе противодействия революциям. Большая часть этих документов опубликована в многотомном собрании Ф.Ф. Мартенса⁶⁹ и в серии «Внешняя политика России XIX и начала XX века»⁷⁰, однако некоторые редкие документы, относящиеся к истории отдельных государств или отдельных конгрессов, были сгруппированы по тематическому или региональному принципу и напечатаны в отдельных изданиях или научных исследованиях⁷¹.

⁶⁷ Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Собрание 1-е. Т. 26–38 (далее – ПСЗРИ).

⁶⁸ Собрание высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений, следовавших в течении 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. СПб., 1816; Прянишников И.П. Материалы для истории Войска Донского: грамоты. Новочеркасск, 1864; Журнал законодательства на 1818 год. Кн. III. СПб., 1819.

⁶⁹ Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. Т. IV. Ч. I; VII; XI; XIV. СПб., 1878–1905.

⁷⁰ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Серия первая. 1801–1815 гг. Т. VII, VIII. М., 1972; Серия вторая. 1815–1830 гг. Т. I (IX); II (X); III (XI); IV (XII); V (XIII); VI (XIV). М., 1974–1980 (далее – ВПР).

⁷¹ См., например: *D'Angeberg, comte. Le Congrès de Vienne et les traités de 1815. Vol. 3. Paris, 1864; Prokesch-Osten J. Geschichte des Abfalls der Griechen vom türkische Reiche. Bd. 3. Wien, 1867.*

Наибольший объем источников для данного исследования составляет дипломатическая переписка российского Министерства иностранных дел и аналогичные материалы зарубежных ведомств. Донесения, инструкции, депеши и отчеты российских дипломатов, а также их иностранных коллег позволяют реконструировать общую канву событий, развитие внешнеполитических концепций, используемые в профессиональной сфере формулировки и термины, мнения и взгляды Александра I и его ближайших помощников. Большую ценность депешам иностранных посланников придает то, что дипломаты стремились как можно более точно записать свои разговоры с императором. Эти источники опубликованы в отечественных и зарубежных многотомных изданиях – таких, как уже упомянутая «Внешняя политика России XIX и начала XX века», а также «Донесения французских представителей при русском дворе и русских представителей при французском дворе (1814–1820)»⁷², «Донесения австрийского посланника при петербургском дворе Лебцельтерна за 1816–1826 годы»⁷³, *British and Foreign State Papers*⁷⁴ и иные документальные публикации⁷⁵.

В-третьих, периодические издания, публицистика и литературные произведения. Периодические издания, выходявшие в Австрии и Германии в исследуемый период⁷⁶, помогают проанализировать обстоятельства проведения отдельных публичных мероприятий, способствовавших

⁷² Донесения французских представителей при русском дворе и русских представителей при французском дворе (1814–1820) // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 112. СПб., 1901. С. 1–738; Т. 119. СПб., 1904. С. 1–874; Т. 127. СПб., 1908. С. 1–500 (далее – Сборник РИО).

⁷³ Донесения австрийского посланника при русском дворе Лебцельтерна за 1816–1826 годы. СПб., 1913.

⁷⁴ *British and Foreign State Papers*. Vol. 1–13 (1812–1826). London, 1841–1848.

⁷⁵ Герцог Арман-Эммануил Ришелье. Документы и материалы о его жизни и деятельности. 1766–1822 // Сборник РИО. Т. 54. СПб., 1886. С. 1–639; Россия – Португалия XVIII – начало XX века. Т. I. 1722–1815. М., 2007; Россия и Швеция. Документы и материалы, 1809–1818. М., 1985; *Webster C.K.* *British Diplomacy, 1813–1815. Select Documents Dealing with the Reconstruction of Europe*. London, 1921; *Temperley H.* *Foundations of British Foreign Policy*. Cambridge, 1938.

⁷⁶ *Wiener Zeitung*. 1813. № 101 (24. August); *Österreichischer Beobachter*. 1813. № 235 (23. August); 1814. No. 293 (20. Oktober); *Der Wanderer*. 1818. No. 248 (29. Oktober); *Allgemeine musikalische Zeitung*. 1870. No. 5 (2. Februar).

формированию образа Священного союза, и их восприятие в прессе. Также к данной группе источников относятся сочинения европейских и российских консервативных, либеральных и религиозно-мистических мыслителей (Ф.К. Баадера, А.С. Стурдзы и др.)⁷⁷, которые предлагали свои идеи послевоенного устройства Европы, воспринятые Александром I, или становились истолкователями идейного наполнения российской внешней политики. Стихотворные произведения А. Вайсенбаха⁷⁸, выходившие отдельными брошюрами или в составе сборников, важны для понимания происхождения некоторых аспектов визуального образа Священного союза.

В-четвертых, источники личного происхождения. Большое значение для реконструкции исторических событий, их причин и интерпретации, а также связанного с ними идейного и образного пространства имеют дневники, личная переписка и воспоминания современников, некоторые из которых являлись приближенными и доверенными собеседниками царя. Особое значение имеют материалы И.А. Каподистрии⁷⁹, А.С. Стурдзы⁸⁰, А.Н. Голицына⁸¹, В.Ю. Крюденер⁸², Р.С. Эдлинг (в девичестве – Стурдза)⁸³,

⁷⁷ *Baader F. von. Sämmtliche Werke. Bd. 16. Reinheim, 1963; Ibid. Über das durch die französische Revolution herbeigeführte Bedürfnis einer neuen und innigen Verbindung der Religion mit der Politik. Nürnberg, 1815; Stourdz A. de. Considérations sur la doctrine et sur l'esprit de l'église orthodoxe. Weimar, 1816 et al.*

⁷⁸ *Weissenbach A. Der glorreiche Augenblick. Wien, 1814; Ibid. Teutonia: ein Denkmahl der vergangenen und Taschenbuch der neueren Zeit. Wien, 1815.*

⁷⁹ *Шидловский А.Ф. Переписка графа И.А. Каподистрии // Вестник всемирной истории. 1900. № 2. С. 176–195; № 3. С. 199–217; № 5. С. 151–174; № 7. С. 98–123; Записка графа Иоанна Каподистрии о его служебной деятельности // Сборник РИО. Т. 3. СПб., 1868. С. 168–242.*

⁸⁰ *Стурдза А.С. Воспоминания о жизни и деяниях графа И.А. Каподистрии, правителя Греции. СПб., 1864.*

⁸¹ *Рассказы князя Александра Николаевича Голицына, записанные Юрием Никитичем Бартеневым // Русский архив. 1886. Кн. 2. № 5. С. 52–108; Князь А.Н. Голицын (в его письмах) // Русский архив. 1905. Кн. 3. Вып. 9. С. 360–455 и др.*

⁸² *Письма баронессы В.Ю. Крюденер опубликованы в издании: Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I. Опыт исторического исследования. Т. II. С. 215–247.*

⁸³ *Эдлинг Р.С. Записки // Воспоминания о времени царствования Александра I / Сост. А. Либерман и др. М., 1999. С. 159–236.*

Ф. Генца⁸⁴, К. Меттерниха⁸⁵, а также переписка самого Александра I и других лиц⁸⁶. Большая часть этих источников была опубликована в XIX в. и первой половине XX в., однако ряд этих публикаций в настоящее время был переиздан с дополнениями и уточнениями⁸⁷.

В-пятых, визуальные источники и предметы материальной культуры. К данной группе относятся в первую очередь визуальные источники массовой коммуникации – разного рода гравюры и карикатуры, содержащие символику и образы Священного союза, а также декоративно-прикладные изделия. В силу широкого и оперативного тиражирования и распространения эти материалы играли значительную роль в формировании представлений о ключевых участниках, событиях и концепциях, связанных со Священным союзом. Для данного исследования были отобраны гравюры и изображения из отечественных и зарубежных музейных и библиотечных собраний, репродукции которых опубликованы в Интернете и в различных каталогах или изданиях⁸⁸. Более узкий и редкий круг источников составляют вещественные предметы элитарной репрезентации и символического потребления, к которым относятся различные табакерки, шкатулки и посуда, а также мемориальные доски с записью Акта о Священном союзе и предваряющего

⁸⁴ Aus dem Nachlasse Friedrichs von Gentz. Bd. 1–2. Wien, 1867–1868; Schriften von Friedrich von Gentz. 1–5 Theil. Mannheim, 1838 *et al.*

⁸⁵ Metternich's Nachgelassenen Papieren. Bd. 1–8. Wien, 1881–1884; Memoirs of Prince Metternich 1773–1815. Vol. 1–5 / Ed. by Prince R. Metternich. New York, 1970.

⁸⁶ Жюльетта Бергейм [Дневниковые записи о встречах с Александром I] / *Крюденер В.Ю.* Неизданные автобиографические тексты / Вступ. ст., сост., пер., публ. и примеч. Е.П. Гречаной. М., 1998; *E.H.L. [Empaytaz H.-L.]*. Notice sur Alexandre, Empereur de Russie. Genève, 1828 и др.

⁸⁷ Например, упомянутые дневниковые записи Ж. Бергейм, записки графини Эдлинг и др.

⁸⁸ В частности, это собрания ГИМ, ГМИИ имени А.С. Пушкина, Государственного Эрмитажа, Русского музея, Музеев Московского Кремля, Brown University Library, Staatliche Museen zu Berlin, Staatsbibliothek zu Berlin, Stadtgeschichtliches Museum Leipzig, Deutsches Historisches Museum, Deutsche Nationalbibliothek, Germanisches Nationalmuseum, Staatliche Kunstsammlungen Dresden, Sächsische Landesbibliothek – Staats- und Universitätsbibliothek Dresden, Anhaltische Gemäldegalerie Dessau, Bibliothèque nationale de France, British Museum, The Royal Collection Trust, Zentralbibliothek Zürich, Österreichische Nationalbibliothek, Albertina Museum Vienna, Wien Museum, Museo del Prado, Galéria mesta Bratislavy, Muzeji radovljíške občine и др.

его рождественского манифеста 25 декабря 1815 г. Для данного исследования использовался прежде всего их визуальный облик.

В-шестых, специально составленный цифровой корпус (источник для лингвистического анализа). Созданный автором настоящего исследования корпус текстов, включающий российскую дипломатическую документацию и международные договоры, служит эмпирической базой для применения количественных методов (корпусного анализа, изучения частотности и коллокаций терминов). Корпус опубликован в веб-среде Voyant Tools с открытым режимом доступа (по ссылке)⁸⁹. Подробные характеристики данного источника, описание корпуса, принципы его составления и обработки, возможности и ограничения изложены в соответствующем параграфе в главе, посвященной анализу языка российской дипломатии.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые комплексно изучен ряд проблем, ранее не получавших самостоятельного освещения в научной литературе. Во-первых, реконструирован круг ключевых собеседников Александра I, во взаимодействии с которыми формировались его внешнеполитические идеи, а также проанализирован характер их влияния на концепцию императора. Во-вторых, реконструированы смысловое содержание и эволюция представления о враге как системообразующего элемента политической теологии Александра I, а также проанализировано восприятие русской армии в рамках данной парадигмы при реализации системы коллективной безопасности. В-третьих, впервые применен комплексный лингвоисторический подход к изучению внешнеполитического дискурса России эпохи Священного союза. Это позволило перейти от качественных оценок к количественно верифицируемым выводам о содержании, структуре и эволюции ключевых идеологем и в целом тезауруса российской дипломатии. В-четвертых, на основе анализа внешней ритуальной и смысловой составляющих публичных богослужений выявлены основные

⁸⁹ Корпус доступен по ссылке: <https://voyant-tools.org/?corpus=fa3cc1884bcba58f55c588f7c992c78> (дата обращения: 03.04.2026).

идеи, транслировавшиеся через эту форму репрезентации, и определены механизмы их распространения в обществе. В-пятых, комплексно проанализирован массив визуальных материалов, что позволило выявить устойчивые модели образа Священного союза, реконструировать механизмы репрезентации его идей, а также определить композиционные и стилистические приемы, их смысловое наполнение и связь с ключевыми политическими событиями эпохи.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что его выводы позволяют расширить и уточнить существующие в исторической науке представления о внешнеполитическом курсе России в эпоху становления Священного союза и его идейно-концептуальных основаниях. Проведенный анализ содержания и механизмов репрезентации внешнеполитических идей (через дипломатический дискурс, публичные богослужения и визуальные материалы) вносит вклад в изучение политической коммуникации первой четверти XIX в. Предложенная в работе методология комплексного анализа внешнеполитического дискурса, сочетающая традиционные методы исторического исследования с инструментарием интеллектуальной истории, политической теологии и цифровых гуманитарных наук, может быть применена для дальнейшего изучения идеологических аспектов внешней политики России и других европейских держав изучаемого периода.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его материалы и выводы могут быть использованы при подготовке общих и специальных курсов по отечественной истории первой половины XIX в., истории внешней политики и дипломатии, интеллектуальной истории. Введенный в научный оборот машиночитаемый корпус делопроизводственных документов может быть востребован в дальнейших исследованиях внешнеполитического дискурса России эпохи Священного союза.

Достоверность исследования обеспечивается широтой источниковой базы, включающей в себя законодательные акты, делопроизводственные материалы, в том числе дипломатические документы, периодические издания, публицистику, литературные произведения и богослужebные тексты, источники личного происхождения, визуальные источники и предметы материальной культуры, а также специально составленный автором диссертации корпус текстов. Еще одним фактором, обеспечившим достоверность исследования, стало использование целого набора методов, в том числе и редко применяемых в исторических исследованиях, задействованных для анализа источниковой базы.

Апробация результатов исследования. Диссертация прошла обсуждение на кафедре истории России XIX века – начала XX века исторического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова и была рекомендована к защите.

Основные положения и результаты работы были изложены в 4 публикациях автора общим объемом 4,8 п.л. в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В.Ломоносова по группе специальностей 5.6. Исторические науки.

Структура исследования организована в соответствии с проблемно-хронологическим принципом. Диссертация состоит из введения, четырех глав, разделенных на параграфы, заключения, списка использованных источников и литературы, приложений. Общий объем диссертации составляет 527 страниц.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Для разработки и реализации своих внешнеполитических идей Александр I избирательно привлекал доверенных лиц, в числе которых были Р.С. Эдлинг (Стурдза), А.Н. Голицын, Ф.К. Баадер, В.Ю. Крюденер, И.Г. Юнг-Штилинг, А.С. Стурдза, И.А. Каподистрия, К.В. Нессельроде. В разное время и с различной степенью вовлеченности эти люди входили в

сложноорганизованный круг собеседников императора, выступая в роли вдохновителей, соавторов или проводников его концепции.

2. Дипломатический и публичный дискурсы внешнеполитического проекта Александра I опирались на образ врага, который на уровне царских манифестов (до 1816 г.) был связан с личностью Наполеона, а в делопроизводственной документации последующего периода – с антихристианской тайной революционной организацией. Наряду с этим в российской внешнеполитической риторике последовательно выстраивалась концепция поддержания мира и спокойствия. На начальном этапе она связывалась с предложениями по разоружению, а параллельно и в дальнейшем отождествлялась с идеей готовых к интервенциям коллективных сил, ядром и наиболее значимой в военном отношении частью которых выступала русская армия, наделявшаяся чертами христианского воинства.

3. Язык российской дипломатии рассматриваемого периода, основывавшийся на идеологемах «союз», «мир», «безопасность», «система», служил ключевым инструментом формирования политического дискурса и перевода идеалистической концепции Священного союза в плоскость дипломатической практики. Сочетая системность, смысловую целостность и способность гибко реагировать на политические изменения, этот язык прошел в своем развитии три этапа: от становления и пика с выстраиванием дихотомии «христианский союз – угроза революции» к кризису, связанному с греческим восстанием.

4. Публичные богослужения и визуальные образы выступали важными самостоятельными инструментами репрезентации Священного союза, придавая ему значение сакрального братства и визуализируя единство монархов как христианского воинства, а также божественное покровительство союзу. Художественная традиция, сложившаяся до подписания Акта 14 сентября 1815 г. (образ трех монархов, объединенных рукопожатием или молитвой), нередко опережала реальные события, формируя смысловую среду вокруг Священного союза, которая изменялась в тесной связи с

политическими обстоятельствами и отношениями между великими державами.

5. Внешнеполитическая деятельность Александра I в эпоху Священного союза была подчинена задаче создания системы коллективной безопасности в Европе, основанной на христианских принципах. Установление вечного мира через братский союз монархов воспринималось царем как геополитическая необходимость и личная религиозная обязанность. Ключевыми компонентами реализации этого замысла выступали: интеллектуальное окружение императора, обеспечившее формулирование концепции, образ врага как системообразующий элемент политической теологии, язык дипломатии как смысловая система, адаптировавшая идеалистический замысел к потребностям практики, а также публичные богослужения и визуальные образы, закреплявшие в общественном сознании представление о союзе как о сакральном братстве, противостоявшем революционной угрозе.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновываются научная значимость и актуальность темы исследования, определяются его объект и предмет, формулируются хронологические и территориальные рамки, цель и задачи. Раскрываются методологическая основа работы и степень изученности ее темы, характеризуется источниковая база. Обозначаются научная новизна, теоретическая и практическая значимость диссертации, обосновывается ее достоверность. Приводятся сведения об апробации результатов исследования и его структуре, а также основные положения, выносимые на защиту.

В **первой главе** – «Император Александр I и его собеседники» – проанализирован жизненный путь и взгляды политических и религиозных деятелей и мыслителей, которые сыграли значимую роль в формировании и реализации ключевых идей внешней политики этого монарха в рассматриваемый период.

В первом параграфе – «Князь Александр Николаевич Голицын (1773–1844)» – рассмотрены взгляды князя А.Н. Голицына, его взаимодействие с Александром I и влияние на царя в вопросах личного религиозного поиска и практик.

Во втором параграфе – «Графиня Роксана (Роксандра) Скарлатовна Эдлинг (Стурдза) (1786–1844)» – изучена роль графини Р. Эндлинг в окружении царя как его доверенного лица и важного связующего звена для узкого круга его собеседников.

В третьем параграфе – «Баронесса Варвара Юлия фон Крюденер (1764–1824)» – освещены личностные особенности баронессы, ее религиозные воззрения и деятельность в качестве мистической проповедницы и наставницы в ближайшем окружении царя в контексте идей Священного союза.

В четвертом параграфе – «Франц Ксавер фон Баадер (1765–1841)» – выделены ключевые идеи и труды немецкого философа Ф. Баадера по установлению теократического порядка в Европе, которые были знакомы Александру I и использованы им при формировании его внешнеполитической концепции.

В пятом параграфе – «Граф Иоанн Антонович Каподистрия (1776–1831)» – разобрана деятельность И.А. Каподистрии как ключевого помощника и соавтора царя в деле формулирования концепции коллективной безопасности на основе Священного союза, перевода ее на язык дипломатии, а также популяризации и доработки этих идей.

В шестом параграфе – «Александр Скарлатович Стурдза (1791–1854)» – исследована деятельность писателя и дипломата А.С. Стурдзы в качестве одного из приближенных царя, выполнявшего задачи по редактированию и обоснованию для широких кругов внешнеполитических идей Александра I, а также разрабатывавшего их практическое приложение ко внутренней политике.

В седьмом параграфе – «Граф Карл Васильевич Нессельроде (1780–1862)» – показана роль этого государственного деятеля как проводника

внешнеполитического курса Александра I, практически не участвовавшего в разработке его концептуальных основ.

В восьмом параграфе – «Рецепция идей собеседников в мировоззрении Александра I» – проанализирована эволюция религиозно-политических представлений царя с 1812 по 1825 гг. под влиянием идей указанных собеседников.

Во второй главе – «Образ врага и роль русской армии во внешнеполитической концепции императора Александра I» – проанализирован негативный образ противника, который имел важное конструирующее значение для создания и обоснования системы европейской коллективной безопасности, а также демонстрационных и практических мер по нейтрализации этой угрозы, в которых центральная роль отводилась русской армии.

В первом параграфе – «Внешнеполитический проект Александра I с точки зрения политической теологии» – с опорой на предложенный К. Шмиттом метод рассмотрены аналогии между элементами христианского богословия и идеологической системой царя, отражением которой во внешней политике служил Священный союз.

Во втором параграфе – «Образ врага во внешней политике Александра I в 1815–1825 гг.» – реконструировано представление о противнике, выстраиваемое в публичном и дипломатическом дискурсах, а также лежавшие в его основе личные взгляды царя. Выявлена периодизация эволюции образа врага.

В третьем параграфе – «Александр I о роли русской армии в поддержании мира в Европе» – проанализированы образ и репрезентация русской армии в 1814–1815 гг., ее роль во внешней политике страны в 1818–1825 гг., а также предложенный императором в 1816 г. проект всеобщего разоружения.

В третьей главе – «Формирование языка российской дипломатии» – на материале корпуса делопроизводственной документации МИДа в 1813–1825

гг. проанализирован язык Священного союза во внешнеполитической деятельности России для выявления узловых понятий и смысловых полей, а также сопоставления этой языковой системы с политическими событиями и действиями Александра I.

В первом параграфе – «Дискурс российской дипломатии: корпус источников и их интерпретация» – рассмотрен язык Священного союза как смысловая среда, отражавшая суть внешнеполитических идей в контексте политической теологии Александра I. Охарактеризованы используемый корпус документов, его структура и возможности, которые он дает для исследования.

Во втором параграфе – «Ключевые идеологемы и смысловые поля в языке Священного союза» – всесторонне проинтерпретированы понятия «союз», «мир», «(без)опасность», составлявшие основу внешнеполитического дискурса в 1813–1825 гг., а также их содержание и употребление в рассматриваемый период.

В четвертой главе – «Символика и репрезентация идей императора Александра I и его сподвижников» – проанализированы символические репрезентации в виде публичных богослужений в 1813–1818 гг., привнесших религиозный компонент в проект коллективной безопасности, а также в формирование образа Священного союза в изобразительных материалах, и их влияние на внешние проявления практики международных отношений.

В первом параграфе – «Публичные символические богослужения» – рассмотрены религиозные церемонии с общим идейным содержанием, которые дополняли язык политических актов, формировавших новую европейскую систему, служили идеологическим инструментом воздействия и способствовали созданию образа Священного союза и его публичной репрезентации.

Во втором параграфе – «Визуальные образы Священного союза» – прослежена периодизация и разобрано отражение Священного союза на

гравюрах, картинах, лубочных картинках и в предметах декоративно-прикладного искусства. Выявлены устойчивые изобразительные сюжеты и детали, использовавшиеся для изображения союза, представлена эволюция изобразительной традиции от более простой к сложной в смысловом отношении религиозной системе, а также от героизации образа Священного союза к его карикатурному восприятию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В **заключении** представлены итоговые обобщения и выводы по теме исследования в соответствии с поставленными задачами.

Во-первых, ближайшее окружение Александра I (Р.С. Стурдза, А.Н. Голицын, Ф.К. Баадер, В.Ю. Крюденер, И.Г. Юнг-Штиллинг, А.С. Стурдза, И.А. Каподистрия, К.В. Нессельроде) представляло собой не просто круг советников, но сложноорганизованный интеллектуальный ресурс, обеспечивавший формирование и реализацию внешнеполитического проекта царя. Каждый из них выполнял уникальную функцию: одни выступали источником религиозно-мистических идей и нравственной поддержки, другие разрабатывали философские концепции и практические механизмы коллективной безопасности, третьи облекали замыслы императора в надлежащую дипломатическую форму. При этом именно Александр I задавал тематику, продолжительность и характер взаимодействия, избирательно заимствуя у собеседников необходимые элементы для своей концепции мира и безопасности.

Во-вторых, конструирование образов врага и защитника (русской армии) являлось неотъемлемой частью российской внешнеполитической концепции и осуществлялось параллельно на нескольких уровнях. Образ врага в публичных манифестах (до 1816 г.) персонифицировался в фигуре Наполеона как порождении революции, тогда как в дипломатической документации формировалось представление о всемирной тайной организации революционеров, которая в 1819–1822 гг. стала восприниматься

прежде всего как антихристианская. Одновременно утверждался образ русской армии как сильнейшей в Европе и представлявшей собой христианское воинство, призванное охранять мир. Несмотря на исключение из окончательного текста Акта Священного союза идеи о создании общеевропейских сил безопасности, Александр I не отказался от этого замысла: миротворческие инициативы (включая предложение о всеобщем разоружении) сочетались с готовностью использовать армию для поддержания спокойствия, что проявилось в интервенции 1821 г. и в формулировании принципов применения военной силы против революций.

В-третьих, язык российской дипломатии эпохи Священного союза представлял собой целостную, динамичную и внутренне дифференцированную смысловую систему. Ее ядро составляли взаимосвязанные идеологемы «союз», «мир», «безопасность», «система» с развитой синонимией. Данная система прошла три этапа: становление (1815–1816 гг.), пик в период конгрессов в Троппау и Лайбахе с оформлением дихотомии «христианский союз – революционная угроза» и кризис, вызванный греческим восстанием. Дипломатический язык выступал не пассивным отражением, а активным инструментом конструирования политической реальности, адаптируя идеалистический замысел императора к потребностям текущей дипломатической практики.

В-четвертых, важнейшим компонентом внешнеполитического проекта являлись символические и визуальные репрезентации идей Священного союза. Публичные богослужения, зародившиеся еще до официального провозглашения союза (с 1813 г.), представляли собой самостоятельный феномен: участие монархов и их войск как представителей трех конфессий демонстрировало религиозную полноту христианства, противопоставленную образу врага, а благодарность за мир и победы утверждала союз как божественный инструмент поддержания мира. Параллельно в изобразительном искусстве сложился устойчивый образ трех монархов, объединенных рукопожатием или молитвой, причем художественная

традиция нередко опережала реальные события (сюжет тройственного рукопожатия). Эволюция визуального образа прошла путь от героизации союза-освободителя (1813–1817 гг.) к карикатурным изображениям монархов как угнетателей свободы (после 1818 г.), что отражало кризис доверия между державами и изменения в восприятии в Европе этого объединения.

В-пятых, в 1813–1825 гг. во внешней политике России на различных уровнях – от дипломатической практики и языка до публичных документов, богослужений и визуальной культуры – последовательно реализовывались идеи мира и безопасности, в совокупности формировавшие концептуальную основу системы коллективной безопасности в Европе. Ее фундамент составляли христианские принципы и приоритет всеобщего мира, а воплощением служил Священный союз и дополнявшие его международные договоренности. Публичная репрезентация в различных формах являлась значимым компонентом внешнеполитического проекта Александра I, а сама система постоянно дополнялась и развивалась под воздействием менявшихся обстоятельств, что находило отражение в языковой практике и культуре эпохи.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Основные положения и выводы диссертации отражены в следующих публикациях:

Публикации в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В.Ломоносова по специальности и отрасли наук:

1. *Ильяшенко А.Ф.* Александр I о роли русской армии в поддержании мира в Европе в 1815–1825 гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2025. № 2. С. 246–264 (1,5 п.л.). EDN: JPQCHK. Импакт-фактор 0,305 (РИНЦ).
2. *Ильяшенко А.Ф.* «Неподражаемое дивное целое»: отражение идей эпохи в благодарственном и молебном пении в воспоминание избавления от нашествия галлов и с ними двадесяти язык святителя Филарета (Дроздова) // Христианское чтение. 2025. № 3. С. 56–70 (1,0 п.л.). EDN: IFRYYI. Импакт-фактор 0,312 (РИНЦ).
3. *Ильяшенко А.Ф.* Образ врага во внешней политике императора Александра I в 1815–1825 гг. // Клио. 2025. № 4 (220). С. 87–95 (0,9 п.л.). EDN: DLOZJU. Импакт-фактор 0,108 (РИНЦ).
4. *Ильяшенко А.Ф.* Священный союз в отечественной и зарубежной историографии: этапы изучения, концепции и подходы // Вестник Православного Свято-Тихоновского Православного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2025. № 122. С. 28–52 (1,4 п.л.). EDN: DUMEXV. Импакт-фактор 0,283 (РИНЦ).